

М. Л. Кисилиер

О происхождении румейского языка

В наше время все гуманитарные науки
могут быть только историческими

[ПРОПП 1976: 25]

§ 1. Изучение диалектов греков диаспоры, в особенности на территории древних колоний, интересно не только с точки зрения влияния языковых контактов, но и важно для понимания истории самого греческого языка. Одним из таких греческих диалектов является румейский язык (от *Ῥωμαῖος* 'римский гражданин') — диалект приазовских греков. Начиная с конца XIX в. румейский язык неоднократно привлекал внимание ученых, прежде всего из России и Украины. Одни из первых исследователей И. И. Соколов, Д. Спиридонов и М. В. Сергиевский предложили выделить пять говоров в диалекте приазовских греков по степени близости к димотике [СОКОЛОВ 1932; СЕРГИЕВСКИЙ 1934].¹

§ 2. Известно, что греки переселились в приазовские степи из Крыма в конце XVIII в.² Очевидно, еще в Крыму произошло разделение на грекоязычных греков румеев и татароязычных урумов (урум — тюркская огласовка от *Ῥωμαῖος*). Урумский язык считался более престижным, и большинство румеев владели им. Урумы же, напротив, крайне редко говорили на румейском. Тем не менее, влияние урумского (впрочем, как и появившегося позднее в регионе русского) прослеживается только в лексике.

§ 3. Неясными остаются два вопроса: *когда греки пришли в Крым и откуда они пришли*. Ни на один из этих вопросов не удается дать однозначный ответ. Можно лишь утверждать, что было несколько волн колонизации, по крайней мере, одна из которых имела место не ранее X в., на что, в частности, указывает существование в румейском местоименного повтора дополнения, отсутствующее, например, в понтийском диалекте.

¹ Это деление сохраняется и сейчас. В его основе, в основном, лежат фонетические различия [ЖУРАВЛЕВА 1982; НИКОЛАЕНКОВА, в печати].

² Подробнее о переселении греков в Приазовье см.: [ЧЕРНЫШЕВА 1958: 28–34; АНИМИЦА 2003: 27–34; КАЛОЕРОВ, <http://www.mak-mak.com/gendb/rus/Kaloerov.htm>].

§ 4. Вопрос о том, из какой части Греции пришли греки в Крым, еще более сложен. Сами румеи высказывают разные идеи о своем происхождении, начиная с греческой Македонии и кончая Критом или даже Кипром. Эти идеи базируются на том, что румеи, попав в какую-то область Греции, худо-бедно понимали смысл того, о чем говорили носители местного диалекта, благодаря ряду фонетических сходств (см. §§ 5, 16 и 17). В связи с этим вопрос о происхождении румеев целесообразно перенести исключительно в лингвистическую плоскость и сформулировать его так: *к какой группе греческих диалектов можно отнести румейский язык*. Этот вопрос был поставлен уже достаточно давно и даже было предложено два ответа: *румейский является понтийским диалектом и румейский является северногреческим диалектом*. Я не стану предлагать новые варианты, а ограничусь лишь критическим рассмотрением уже предложенных.

§ 5. **Понтийская версия** была предложена П. Кречмером на основании сходства палатализации в румейском и понтийском [KRETSCHMER 1905: 18]:³

§ 6. /h/ перед /e/ и /i/ переходит в /ʃ/: *schon* = χιόνι, *schnar* = χηνάρι, *sintischeni* = συντηχάνω, *mascher* = μαχαίρι, *tsch en* = [ov]χ ε vi.

§ 7. /k/ перед /e/ и /i/ переходит в /č/: *schtschili* = σκολί.

§ 8. Сходства между румейским и понтийским не ограничиваются палатализацией, и можно указать на ряд синтаксических особенностей, вероятно, неизвестных даже самому Кречмеру. Прежде всего, это использование частицы *pa*, единственной синтенциальной энклитики, сохранившейся в румейском. Она обычно маркирует логически выделенную часть дискурса и регулярно следует за рядом местоимений и наречий, таких как *все*, *всякий*, *всегда*, *никогда* и *нигде*, которые, в сущности, всегда являются маркированными [КИСИЛИЕР, В ПЕЧАТИ]. Подобное явление характерно и для понтийского на территории Турции, где частица сохраняет более архаичную форму *pal*.⁴

§ 9. Другое сходство в сфере синтаксиса связано с позицией местоименных клитик: и в понтийском, и в румейском они, в основном, следуют за управляющим глаголом: **ПНТ**: *εἶπεν αὐτόν* ‘сказал ему’ [ΚΟΝΤΟΣΟΠΟΥΛΟΣ 2001: 143, ср.: ΟΙΚΟΝΟΜΙΔΗΣ 1958: 232–234]; **РУМ**: *fénit mi* ‘мне кажется’. Отдельные

³ В примерах сохранена транскрипция Кречмера.

⁴ Благодарю П. Макриджа, указавшего мне на понтийские соответствия.

сходства наблюдаются и на уровне лексики, однако все эти сходства могли появиться в результате контактов с понтийским диалектом. В частности, одно из греческих сел в Приазовье (Анадоль) было основано понтийскими греками [ΣΥΜΕΩΝΙΑΝΗΣ, ΤΟΜΠΑΪΔΗΣ 1999: 15].

§ 10. Более тщательный анализ демонстрирует существенные различия между румейским и понтийским. Начну с **морфологии**: в понтийском имеется противопоставление определенного и неопределенного артикля в ед. ч., артикля и нулевого артикля во мн. ч. [ЕЛОЕВА 2004: 99–101]. В румейском сохранился лишь один артикль, по форме определенный, но находящийся вне противопоставления *определенный/неопределенный артикль*. Кроме того, в румейском артикль не указывает на род существительного и даже не всегда на падеж. Показательно, что единственный артикль мн. ч. восходит к ср. р.

§ 11. Значительные различия наблюдаются также в склонении. Помимо того, что в понтийском гораздо больше типов склонения, не совпадает и количество падежей: в румейском, в отличие от понтийского, исчез родительный падеж. Его следы можно (и то в грамматикализованной форме) увидеть лишь у притяжательных местоимений (*mána m* ‘моя мама’) и в некоторых атрибутивных конструкциях: *átherpu lahardí* ‘человеческая речь’ (*átherpus* ‘человек’), *kl’éft’a spit* ‘дом вора’ (*kl’éft’as* ‘вор’) и проч. [ВИКТОРОВА, В ПЕЧАТИ].

§ 12. Различия также затрагивают спряжения глаголов и образование времен, в частности, будущего. Упомяну еще две важные особенности румейского языка: в отличие от понтийского в нем нет семантического противопоставления сильных и слабых местоименных форм (т. е. и те, и другие употребляются «на равных»), а также не сохранились древнегреческие притяжательные местоимения.

§ 13. Из **синтаксических** различий важно выделить следующее: в § 7 отмечалось, что и в понтийском, и в румейском местоименные клитики почти всегда следуют за управляющим глаголом, однако в румейском местоименная клитика может оказываться и впереди под влиянием просодических факторов: **РУМ**: *na sas l’éyi* ‘я вам скажу’; ср. **ПНТ**: *ἀτὰ εἶχα νὰ ἐλεῖα τον* ‘я должен был ему это сказать’ [ΟΙΚΟΝΟΜΙΔΗΣ 1958: 236]. Это различие очень существенно, т. к. свидетельствует о том, что в понтийском, в отличие от румейского, нет тенденции сохранять/формировать цепочки клитик.

§ 14. Кроме того, как уже отмечалось выше, в понтийском нет местоименного повтора дополнения.

§ 15. Предположение о близости румейского к **северногреческим диалектам** также принадлежит П. Кречмеру [KRETSCHMER 1905: 18], и его принимает большинство современных не-оэллинистов [СЕРГИЕВСКИЙ 1934: 585; БЕЛЕЦКИЙ 1969: 13]. Сторонники данного предположения обычно указывают на следующие черты, общие для северногреческих диалектов и румейского [KONTOΣΟΠΟΥΛΟΣ 2001: 109]:

§ 16. Исчезновение безударного /i/: **СевГР**: *πηγάδ'* [KONTOΣΟΠΟΥΛΟΣ 2001: 94], **РУМ**: *piḡád'*, ср. **НГР**: *πηγάδι* 'источник'.

§ 17. Безударный /e/ сужается и переходит в /i/: **СевГР**: *πιδί*, **РУМ**: *pidíts*, ср. **НГР**: *παῖδι* 'ребенок'; аналогичным образом происходит сужение безударного /o/ в /u/: **СевГР**: *κοῦρίτς* [KONTOΣΟΠΟΥΛΟΣ 2001: 94], **РУМ**: *kurtstíts*, ср. **НГР**: *κορίτσι* 'девочка'; Е. Ф. Журавлева приводит ряд примеров чередований: *métra* 'считай' / *mítrú* 'считаю', *féru* 'несу' / *ḡfira* 'принес', *inéka* 'женщина' / *inikú* 'женское', *stóma* 'рот' / *stumí* 'ротовой', *ónima* 'имя' / *unímata* 'имена' [ЖУРАВЛЕВА 1982; ср. НИКОЛАЕНКОВА, В ПЕЧАТИ].

§ 18. Род. п. не употребляется как падеж косвенного дополнения: **СевГР**: *i Ána tin* [ACC] *ḡpi tin mitéra* [ACC] *tis* 'Анна сказала своей матери' [Э],⁵ **РУМ**: *ḡo ḡpa tun* [ACC] 'Я сказал ему'.

§ 19. Следует, впрочем, признать доводы, приведенные в §§ 16–18, малоубедительными. Исчезновение конечного безударного /i/ и сужение гласных /e/ и /o/ вообще характерно для ряда греческих диалектов. К тому же в румейском возможны варианты с сохранением безударного -i: *spít'* и *spíti*. 'дом'; *lé* и *léj* 'говорит'; *ksér'* и *kséri* 'знает' [НИКОЛАЕНКОВА, В ПЕЧАТИ], а, кроме того, переход безударного /o/ в /u/, по-видимому, во многом зависит от самого говорящего: *adérfu* и *adérfo* 'брат'; *ḡurḡá* и *ḡorḡá* 'быстро' [НИКОЛАЕНКОВА, В ПЕЧАТИ]. Сужение безударного /e/ представляется намного более регулярным — во всяком случае не удалось найти ни одного надежного примера, где бы оно не происходило. Однако, по моему мнению, подобная регулярность вызвана не близостью или родством с северногреческими диалектами, а исключительно влиянием русского языка, где аналогичное фонетическое явление также имеет место, см. также [ΠΑΠΠΟΥ-ΖΟΥΡΑΒΛΙΟΥ 2001].

⁵ Я благодарю А. Б. Борисову за предоставленные мне материалы по северногреческому говору Эратир, собранные ей совместно с А. Н. Соболевым в ноябре 2000 г. Эти примеры помечены [Э].

§ 20. Неупотребление род. п. в качестве падежа косвенного дополнения (§ 18) вызвано в румейском и северногреческих диалектах принципиально разными причинами: в румейском его нет вообще, а северногреческих диалектах он выполняет иные функции, хотя и регулярно употребляется: *íni tis paréas* [GEN] *tas* ‘он **из** нашей **компании**’ [Э]. Не исключено, правда, что широкое использование род. п. в северногреческих диалектах вызвано влиянием стандартного новогреческого, однако даже без этого между румейским и северногреческими говорами хватает различий в области морфологии.

§ 21. В румейском есть только два прошедших времени: IMPF *éyraftalyráftiška* ‘я писал’, AOR *éyrapsa* ‘я написал’, см. также [Кузнецова, в печати]; в северногреческих диалектах используются и времена перфекта: PRF: *éhu yrápsi* ‘я написал’ [Э], PPF: *íhan rutísi* ‘они спросили’ [Э].

§ 22. В северногреческих диалектах, в отличие от румейского, существует семантическое противопоставление сильных и слабых форм местоимений.

§ 23. Любопытны и синтаксические различия. Остановлюсь только на двух: опущении местоименного субъекта (Pro-Drop) и местоименном повторе дополнения. И в северногреческих диалектах, и в румейском, возможно опущение местоименного субъекта, однако если в северногреческих диалектах местоименный субъект появляется только в маркированной позиции, то в румейском он употребляется и в большинстве случаев опускается только при наличии в ближайшем контексте другого указания на субъект действия, причем глагольная флексия явно не рассматривается как надежный указатель, т. к. иногда вводит в заблуждение омонимичными окончаниями [КИСИЛИЕР, В ПЕЧАТИ].

§ 24. В румейском и северногреческих диалектах регулярно используется местоименный повтор дополнения. В последних он, если оставить в стороне ряд мелких особенностей, мало чем отличается от ситуации в стандартном новогреческом. В румейском это явление сильно отличается, если и дублирующий и дублируемые компоненты являются личными местоимениями. Во-первых, оба компонента могут выглядеть как слабые местоименные формы: *Ta ugrájsis ta* ‘ты выдержала это’, а во-вторых, местоименное дополнение иногда дублируется не один раз, а дважды.

§ 25. Мне кажется, что отнесение румейского языка к понтийскому диалекту или одному из северногреческих диалектов является ошибкой. На сегодняшний момент, это, несомненно,

самостоятельный диалект или даже группа диалектов, во многом непохожая на другие. Вероятно, предки современных румеев пришли из разных частей Греции, и благодаря их взаимодействию и родился неповторимый и ни на что не похожий румейский язык.

§ 26. Можно предположить, что до переселения из Крыма румей не порывали культурных связей с греческим миром, о чем, в частности, свидетельствует их фольклор. В качестве примера ниже приводятся варианты акритской песни о Янисе и драконе на румейском и на понтийском диалекте:

§ 27. Румейская песня из неопубликованного песенника Э. В. Хаджинова:⁶

- Яна́кус дъя́вин сту нирó, стун *пига́дь екате́вин*,
 Не йвер ки тон дъя́кунда сту *пига́дь* та ши́ли.
 «Не, калиме́ра, дъя́кунда!» «Кало́ стун Яна́ку!
 А́коне́пса та дьо́ндя-му, ире́ву на се фа́гу».
- 5 «На ми му тройсь ме, дъя́конда, на ми мен *кате́васи*,
Пело-м ас па́го с мани́ца-му, *стын кардья́ки-м тын*
мана-му».
- «Дье се писте́ву, Яна́ку, дье се ката́пистеву.
 Тун *йлю* ва́не *ма́ртира*, ту *фе́нгку* я писты́я».
- «Не о́са а́стра ст[у] уранó, ва́ну та я та *сма́дья*».
- 10 «Па́ре стра́ты — стра́тыца-су, тон ме́га-т *мунупа́ти*».
- Пель* тун пае́нь с мани́ца-ту кл[е]юме́нус, дья́круме́нус.
 «Ты е́шишь, *йе-му*, клеи́сь си, *варьо́н анастенáзис?*»
 «Ти е́ху го на ми му клапсь, ты на ми *настына́ксу*.
 Не йверь ме тун дъя́кундась, ире́ви на ми фа́и...
- 15 На дьо́ку т[у?] ады́рифца-му — авр ады́рифй дье ка́му.
 На дьо́ку *тын* мани́ца-му — авр мани́ца дье ка́му.
 На дьо́ку *тын* кали́ца-му — па́ли кали́ца ка́му».

1. дъя́вин *Хадж3*; пига́дьё *Хадж3*; кате́вин *Хадж3* 2. пига́дьё *Хадж3* 3. дъя́кунде *Хадж3*; Кало́с *Хадж3*; тун *Хадж3* 5. мун *Хадж3*; ката́васи *Хадж3* 6. Пело-м н ас *Хадж3*; паг го *Хадж3*; стынь *Хадж3*, *Хадж3*; карды́ки *Хадж3*; тынь *Хадж3* тинь

⁶ В песеннике приводится 2 варианта: № 3 (= *Хадж3*, зап. в 1970 г. в с. Херсонес, у П. Н. Шпак, 1904 г. р.) и № 16 (= *Хадж3*, зап. в 1971 г. в с. Ялта у Ф. Х. Челпана, 1887 г. р.). Курсивом отмечены варианты и исправления.

*Хадж16; 8. йлу Хадж3; мартыра Хадж3; 9. симадья Хадж3
10. мунупаты Хадж3 11. пельс Хадж3 12. йё Хадж3; варьён
Хадж3; анастеназисъ Хадж16 13. анастынаксу Хадж3 16. тинь
Хадж16 17. тынь Хадж3 тинь Хадж16*

§ 28. Румейская песня, записанная в с. Чермалик:⁷

- Γιανάκις δάιν σ το νερό,
 Γιανάκις σ το πιγάδι,
 Ίβρεν τον δράκο κάυνινтун
 πα σ πιγαίδон то σσίλι,
 5 Ίβρεν τον δράκο κάυνινтун
 πα σ πιγαίδон то σσίλι.
 “Καλί си μέρα δράκοντα.”
 “Καλός ίρτες Πανάκι.”
 “Καλί си μέρα δράκοντα.”
 10 Καλός ίρτες Γιάνακι
 “Αφσί με δράку, αφσί με
 Σ γιομόно κι аз иρίсо.
 Αφσί με δράку, αφσί με
 Σ γιομόно κι аз иρίсо.”
 15 Δεν си πιστέβο Πανάκι
 δεν си καταπιστέβο.
 Δεν си πιστέβο Πανάκι
 δεν си καταπιστέβο.
 Τон 'ιλιο βάλον μάρτυρα,
 20 τον φένγο δι απιστία.

§ 29. Понтийская песня (текст предоставлен мне на сайте
[http://www.cypriot.ru/forum/read.php?PAGEN_1=6&FID=7&TI
 D=9667#nav_start](http://www.cypriot.ru/forum/read.php?PAGEN_1=6&FID=7&TI D=9667#nav_start)):

⁷ Песня приводится в греческой орфографии, принятой в 20–30 гг. Текст цитируется с сайта [http://www.mak-mak.com/gendb/index.asp? page=rus/songfolk.htm](http://www.mak-mak.com/gendb/index.asp?page=rus/songfolk.htm).

- Ο Γιά.ννες ο μονόγιαννες,
Ο μοναχόν ο Γιά.ννες,
Ο Γιά.ννες επεπύρνιζεν
Και πεγάδ' επήγεν,
5 Γαργάριζεν η μαστραπά,
Εγενέφισεν το δράκον
Εξέβεν δράκος άγγελος
Και θέλ' να τρώη τον Γιά.ννεν.
— Καλώς καλώς το πρόγεμα μ',
10 Καλώς το δειλινάρι μ',
Καλώς το τρώγω κι αγρυπνώ
Και κείμαι και κοιμούμαι.
— Παρακαλώ σε, ρδάκε μου,
Άφσ' με κάν πέντ' ημέρας,
15 Πάγω 'λέπω τον κύρη μου,
Έρχουμαι κ' εσύ φά' με.
— Άρ' άμε, άμε, Γιά.ννε μου,
Άμε κι αλήγορ' έλα.
Ο Γιά.ννες μόνον έργεψεν,
20 Ο δράκον εθερέθεν,
Όντας τέρη το πέραγκιαν,
Ο Γιά.ννες κατηβαίνει.
— Καλώς καλώς το πρόγεμα μ',
Καλώς το δειλινάρι μ',
25 Καλώς το τρώγω κι αγρυπνώ
Και κείμαι και κοιμούμαι.
— Άσε με, ρδάκον, άσε με,
Άσε με, νε θερίον,
Πάγω 'λέπω τη μάννα μου,
30 Έρχουμαι κ' εσύ φά' με.
— Άρ' άμε, άμε, Γιά.ννε μου,
Άμε κι αλήγορ' έλα.
Ο Γιά.ννες μόνον έργεψεν,
Ο δράκον εθερέθεν,
35 Όντας τερή το πέραγκιαν,
Ο Γιά.ννες κατηβαίνει.
— Καλώς καλώς το πρόγεμα μ',
Καλώς το δειλινάρι μ',
Καλώς το τρώγω κι αγρυπνώ
40 Και κείμαι και κοιμούμαι.
— Παρακαλώ σε, ρδάκε μου,
Θεού παρακαλίας,
Άς πάγω 'λέπω τ' ορφανά,
Δατάχκουμαι την κάλη μ'.
45 — Άρ' άμε, άμε Γιά.ννε μου,
Άμε κι αλήγορ' έλα.
Ο Γιά.ννες μόνον έργεψεν,
Ο δράκον εθερέθεν,
Όντας τερή το περαγκιαν,
- 50 Ο Γιά.ννες κατηβαίνει.
Είχεν τα χέρα 'τ' πίσταυρα,
Την γούλαν κρεμασμένον,
Κι άλλ' οποπίσ' ο κύρις ατ'
Φτουλίζ' γα γένα 'τ' κ' έρται,
55 Κι άλλ' αποπίσ' η μάννα του
Καταματούται κ' ερται,
σ όλτς αποπίσ' η κάλη του,
χρυσή καβαλλαρέα,
χρυσόν μήλον 'ς σο χέρ'ν ατής
60 παίζει και κατηβαίνει,
κατακαρδών' τον Γιά.ννεν ατ' σ
και φοβερίζ' το δράκον.
— Καλώς καλώς το πρόγεμα μ',
Καλώς το δειλινάρι μ',
65 Καλώς το τρώγω κι αγρυπνώ
Και κείμαι και κοιμούμαι.
— Σπαθίν κα έν' το πρόγεμά σ',
Κοντάρ' το δειλινάρι σ',
Φαρμάκ' να τρώς και αγρυπνάς
70 Και κείσαι και κοιμάσαι.
— Κόρ' απ' εμέν 'κ' εντρέπεσαι,
Απ' εμέν 'κι φοβάσαι;
— Από εσέν 'κ' εντρέπομαι,
Απ' εσέν 'κι φοβούμαι.
75 — 'Σ τον Θεο σ', 'ς τον Θεο σ',
νε κόρασοον,
τα γονικά σ' απόθεν;
— Η μάννα μ' απ' τους
ουρανούς,
Ο κύρη μ' απ' τα νέφα,
Τ' αδέλφα μ' στράφτ'νε και
βροντούν
- 80 Κ' εγώ γριλεύω δράκους,
'Σου πεθερού μου το τσακόν'
σερέντα δράκων δερμα,
έναν να παίρω και τ' εσόν,
γίνταν σεράντα έναν.
85 — Καθώς που λες, νε κόρασον,
Άμε απόθεν έρθες,
Άς έν' ο Γιά.ννες χάρισμα σ',
Έπαρ' 'τον κι άμε δέβα,
Άς έν' ο Γιά.ννες αδελφό μ',
90 Η κάλη του η νύφε μ',
Του Γιά.ννε τα μικρότερα
Άς είν' γυναικαδέλφα μ'.

Βιβλιοοραφια

- ΑΝΙΜΙΔΑ Ε. Γ. 2003. Γρεκι в судьбе России. Εκατερινβυργ.
- ΒΕΛΕΔΚΙЙ Α. Α. 1969. Γρεοеские οωοры юго-востока Уοραινυ и про-
блеμα их ρυοηα и πιαςμηνности // *Уοеные записки ЛГУ № 343, се-
рия филологических наук*. Вυπ. 73. С. 5–15.
- ΒΙΚΤΟΡОВА Κ. Β. Именная система мариупольского диалекта гречес-
кого ρυοηα. В печати.
- ΕΛΟΕΒΑ Φ. Α. 2004. Πονтийский диалект в синхронии и диахронии.
СПб.
- ЖУРАВЛЕВА Ε. Φ. 1982. Фонетическое описание греческого новокара-
кубского οωοра в сравнении с другими таυρорυμειскими οωοрами
и северногреческими диалектами. Автореф. канд. дисс. Москва.
- ΚΑΛΟΕΡΟΒ С. Α. Ο περесеληηηη греков в Приазовье и основании гре-
οеских населенных пунктов // [http://www.mak-mak.com/gendb/rus/
Kaloerov.htm](http://www.mak-mak.com/gendb/rus/Kaloerov.htm)
- ΚΙΣΙΛΙΕΡ Μ. Ι. К вопросу об эμφазе и средствах ее выражения. На
материале мариупольского диалекта греческого ρυοηα. В печати.
- ΚΥΖΝΕЦОВА Η. Β. Μορφολογία οωοла в ρυμειοοη диалекте. В печат-
ти.
- ΝΙΚΟΛΑΕΝΚОВА Ο. Η. Фонетические особенности греческих οωοров
Приазовья. В печати.
- ΠΡΟΠΠ В. Я. 1976. Фольклор и действительность. Избранные статьи. Μ.
СΕΡΓΙΕВСКИЙ Μ. Β. 1934. Мариупольские греческие οωοры // *Извес-
тия АН СССР*. Т. 7. С. 533–587.
- ΣΟΚΟΛΟΒ Ι. Ι. 1932. Мариупольские греки // *Труды Института Сла-
вяноведения АН СССР*. Т. 1. С. 287–317.
- KISILIER M. Why *Rumeika* is neither a Pontic nor a Northern Greek Dialect?
In Progress.
- KRETSCHMER P. 1905. Der heutige lesbische Dialekt. Wien.
- ΚΟΝΤΟΣΟΠΟΥΛΟС Ν. Γ. 2001. Διάλεκτοι και ιδιώματα της Νέας Ελληνικής.
Αθήνα.
- ΟΙΚΟΝΟΜΙΔΗΣ Δ. Η. 1958. Γραμματική της Ελληνικής διαλέκτου του
Πόντου. Αθήνα.
- ΠΑΠΠΟΥ-ΖΟΥΡΑΒΛΙΟΒΑ Α. 2001. Ιδιαιτερότητες των άτονων φωνηέντων
στην Ελληνική διάλεκτο της Ουορανίας (περιοχή Μαριουπόλεωс) σε
σύγκρηση με τα Ρωσικά // *Πρακτικά του 5^{ου} Διεθνούς Συνεδρίου
Ελληνικής Γλωσσολογίας 13–15 Σεπτεμβρίου 2001*, Τ. 2. Παρίσι.
Σ. 159–162.
- ΣΥΜΕΩΝΙΔΗΣ Χ., ΤΟΜΠΑΙΔΗΣ Δ. 1999. Η σημερινή Ελληνική διάλεκτος της
Ουορανίας (περιοχής Μαριούπολης) // *Παράρτημα 20 του περιοδικού
«Αρχείον Πόντου»*. Αθήνα.